

МЫСЛЬ И СТИЛЬ РУССКОГО ВОЛЬТЕРИАНСТВА*

М.А. Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгородский государственный институт искусств и культуры
e-mail: 818377@bsu.edu.ru

В статье исследуется значение идей Вольтера для формирования русской общественной мысли XVIII–XIX вв. Прослеживается духовная связь русского вольтерарианства с революционно-демократическим движением и русским марксизмом. В центре внимания оказывались глубинные парадоксы философских воззрений, стиля и самой личности Вольтера. В спорах о Вольтере происходила кристаллизация основных идейных течений русской философии.

Ключевые слова: Вольтер, русские вольтерарианцы, вольномыслие, революционная демократия, русский марксизм.

На протяжении более чем столетия существовала тонкая, но прочная связь между философией Вольтера и взглядами русских вольнодумцев, от А.Н. Радищева до революционных демократов. К настоящему времени эта связь все еще недостаточно хорошо исследована в отечественной философско-исторической литературе. Вольтер продолжает оставаться в тени Маркса. Между тем, русский марксизм возник не на пустом месте. Почва для его распространения в Российской империи была основательно удобрена идеями французских просветителей, среди которых главное место занимали именно Вольтер и «вольтерьянство».

Горячим почитателем Вольтера был А.П. Сумароков, напечатавший его философскую повесть «Микромегас» в своем журнале «Трудолюбивая пчела». Сумароков вступил в переписку с французским «светочем», чем чрезвычайно гордился, и даже изложил ответ Вольтера стихами на русском языке.

Сатиры в духе Вольтера писал один крупнейший русский просветитель XVIII в. Николай Новиков. Ни одного другого философа в то время так много не переводили на русский язык, как Вольтера¹. Первым, еще в 1743 г., его стихи «о двух любях к госпоже де ***» перевел Антиох Кантемир.

Для нарождающейся русской литературы – прежде всего поэзии, сатиры и драматургии – Вольтер стал камертоном, по которому она выверяла свои идеи, язык и стиль.

Уже в ранней юности, в пансионе Шадена, зачитывался вольтеровскими сочинениями наш будущий великий историк Николай Карамзин. В письмах он делился с друзьями намерением приступить к переводу Вольтера на русский язык². Позднее он перевел и напечатал в своих «Письмах русского путешественника» большой фрагмент из «похвального слова Лагарпа Вольтеру». Автор монографии о

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100).

¹ Об истории русских переводов Вольтера, см.: Заборов П.Р. Вольтер в русской печати XVIII–XX веков // Вольтер в России. М.: Рудомино, 1995. С. 5-9.

² См.: Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Типография В. Демакова, 1899. С. 42.

Карамзине В.В. Сиповский находит отчетливые следы влияния на русского историка вольтеровского сочинения «Век Людовика XIV» и статьи «Фанатизм», напечатанной в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера.

Вольтер был символом передовой интеллектуальной культуры Запада. Как справедливо отмечал британский славист Пол Дьюкс, «имя Вольтера стало паролем для многих, отвергавших старые пути... «Вольтерианство» стало модной темой для салонных бесед среди русских денди... Радикальный разрыв с традиционной культурой, произошедший в умах русских вольтерианцев, поощрял стремление к мечтаниям, к конструированию утопий...»³ Передовая русская культура глубоко и надолго впитала в себя эти вольтерианские мотивы.

С увлечения Вольтером начинал и властитель дум революционной демократии Александр Герцен. «В первой молодости я часто увлекался вольтерианизмом, любил насмешку и иронию...», – вспоминал он в «Былом и думах». – «Катехизис попался мне в руки после Вольтера»⁴.

Конечно, вряд ли стоит настаивать на прямой преемственности между революционными демократами XIX века с вольтерианцами предыдущего столетия в области чистого «любомудрия», или метафизики. Отчасти прав известный историк русской философии Джеймс Скэнлан, когда он пишет: «Влияние французского Просвещения, поощряемое во времена Екатерины Великой, можно увидеть в мысли Александра Радищева и «русских вольтерианцев», однако никто из них в действительности не развивал материалистическую онтологию и не оказал значительного влияния на позднейших русских мыслителей... Просвещение XVIII столетия затронуло лишь небольшой слой русского общества и сделало лишком мало для того, чтобы изменить общее религиозно-идеалистическое направление русской философской мысли...»⁵

Скэнлан, однако, совершенно не учитывает *социальную философию* Радищева и вольтерианцев, их радикальные общественно-политические взгляды и устремления – борьбу за свободу мысли и жизни, против всякого рода рабства. Между тем именно здесь, даже в большей мере, чем у самого Вольтера – а вовсе не в «онтологии» – сосредоточен их главный интерес. И именно эта часть их «миросозерцания» самым прямым и непосредственным образом воздействовала на позднейших революционеров, вплоть до марксистов-ленинцев.

Сам Ленин, правда, почти не упоминал имени Радищева. Зато ему посвятил огромную главу в своей «Истории русской общественной мысли» отец русского марксизма Г.В. Плеханов. В одной из своих речей он указан на Радищева как своего прямого предшественника в деле революционного переустройства русского общества: «В лице Радищева мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции». И недаром Екатерина II говорила о нем, что он бунтовщик хуже Пугачева...»⁶

После того как началась Французская революция, слова «вольтерьянец» и «вольтерьянство» стали в России символом вольномыслия и атеизма. Вольтер, действительно, всю жизнь боролся с религиозным фанатизмом, вследствие чего публика часто воспринимала его как атеиста. Когда во Франции свершилась

³ Dukes P. Catherine the Great and the Russian Nobility. Cambridge University Press, 1967. P. 33.

⁴ Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1-5. М.: Художественная литература, 1969. С. 58-59.

⁵ Scanlan J.P. Russian Materialism: 'the 1860s', in: Routledge Encyclopedia of Philosophy, in 10 vols. Ed. by Edward Craig. London: Routledge, 1998. Vol. 8. P. 414.

⁶ Плеханов Г.В. Сочинения: в 24 т. 2-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1925. Т. X. С. 358.

революция, в Российской империи одной из причин этого переворота посчитали работы Вольтера.

В русской беллетристике того времени часто стали встречаться упоминания о безбожниках, приверженцах Вольтера. Так, композитор А.Н. Серов в письме своей жене поделился воспоминанием: «Отец мой был человек строгий, серьезный, получивший по тогдашнему времени самое блестящее образование. Вольтерианство pur sang (франц.: чистокровное) не мешало ему обладать крупными административными способностями, так что не будь он verrufen (нем.: дискредитирован) в качестве свободомыслящего поклонника великого атеиста, он добрался бы, наверное, до министерского портфеля»⁷.

Многие вольтерианцы меняли свои взгляды, отрекались от воззрений Вольтера, стыдились их впоследствии, но далеко не все. Идеи французского философа были распространены не только в высших слоях общества, иногда их поддерживали и простые, не слишком образованные люди. Тем не менее, «вольтерьянство» закрепилось в речи как бранное слово, синоним неверия и эгоизма. Упоминания об учении Вольтера вновь появились в литературе 60-х годов XIX века, когда в русском обществе распространился феномен нигилизма. Почвой для его появления посчитали вольтерианство – прежде всего из-за общего им негативного отношения к церкви и «официальным» – а значит, сильно идеологизированным – религиозным доктринам.

Русское вольтерианство не столько следовало философскому учению Вольтера, сколько переняло его нетерпимость к невежеству и ко всем формам угнетения личности, которые так били в глаза в России. Но все же, какие именно взгляды Вольтера больше всего интересовали его русских читателей? В переписке Вольтера и Екатерины II обсуждались в основном проблемы веротерпимости и социально-политические вопросы. Метафизика и антропология оттеснялись на второй план. Таковой же оставалась расстановка акцентов и в дальнейшем. При этом практически все русские поклонники Вольтера разделяли его взгляд на всемирную историю как восхождение человечества к свободе.

Чрезвычайно интересной и показательной является оценка Вольтера А.С. Пушкиным. В начале XIX столетия Вольтер в образованных кругах русского общества зачастую воспринимался достаточно односторонне, если не сказать тенденциозно: как великий философ-просветитель либо, наоборот, как вдохновитель кровавой Французской революции и глава безбожников. Мнение же Пушкина далеко не столь однозначно. Великий русский поэт испытывает к Вольтеру смешанные чувства. Признавая заслуги Вольтера как гуманиста и певца человеческой свободы, Пушкин невысоко оценивает художественные и стилистические достоинства его поэзии и драматургии и более чем критически отзывается о человеческих качествах «фернейского отшельника». Особенно резко осуждает Пушкин использование поэзии для осмеяния религии. Избрав своим оружием «иронию, холодную и осторожную, и насмешку бешеную и беспощадную», Вольтер фактически отравлял «вечный источник поэзии у всех народов», каковым всегда являлась религия.

«Вольтер, великан той эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека. Он написал несколько произведений с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил свои

⁷ Серовы Александр Николаевич и Валентин Александрович. Воспоминания В.С. Серовой. СПб., 1914. С. 26.

лица⁸ к стати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутивным языком, одною рифмою и метром отличавшихся от прозы»⁹.

Лишь под конец жизни Вольтер, по мнению Пушкина, становится «истинным поэтом», – по всей видимости, здесь имеется в виду поэма «Орлеанская девственница». Но даже и в ней вольтеровский «разрушительный гений» не удержался от насмешки над высшими ценностями культуры, и «все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии»¹⁰.

Пушкин отмечает «неимоверное влияние» Вольтера на французскую культуру не только при жизни, но и после смерти. К нему тянутся лучшие умы Европы, внимания Вольтера ищут правители, его трудами вдохновляются писатели и революционеры. «Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником. Пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия, в лице Юма, Гиббона и Вальполя, приветствует «Энциклопедию». Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и мирится. Общество ему покорно. Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену и терзает все, что еще считается неприкосновенным»¹¹.

Особенно заинтересовала Пушкина переписка Вольтера с президентом де Броссом, чей писательский талант наш поэт высоко ценил, по поводу приобретения участка земли с замком в 1758 году. Изгнанный из Парижа, Вольтер искал новое место жительства и предложил де Броссу приобрести его старый замок на весьма выгодных для того условиях. Пушкина смешит и в то же время коробит, как великий Вольтер, кумир всех свободомыслящих европейцев, долго и яростно пререкается из-за двухсот франков. Парадокс заключается в том, что этот человек, «не умея сохранить своего собственного достоинства», одним из первых и лучше других сумел напомнить о достоинстве всему человечеству.

Другое парадоксальное суждение о Вольтере мы находим в письме Белинского к Гоголю (15 июля 1847 г.). По мнению Белинского, не кто иной, как Вольтер открыл подлинный «смысл учения Христова». Тот самый Вольтер, который называл церковь Христову «гадиной» и призывал ее раздавить. «Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные».

В свою очередь, Гоголь видит в Вольтере лишь «ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека», и считает его духовными наследниками «нынешних коммунистов и социалистов», посягающих на чужое имущество¹².

Оригинальное разрешение парадокса Вольтера предложил Д.И. Писарев. Как и Пушкин, но в еще более резких выражениях, Писарев отзывается о человеческих качествах Вольтера, находя в нем молчалинские и чичиковские черты. Но именно эти качества полнейшей «человеческой посредственности» только и дали Вольтеру возможность выполнить взятую им на себя «чисто отрицательную задачу». Задача

⁸ «Лицо», здесь – актер, персонаж театрального представления. В латинском языке слово «persona» (личность) первоначально означало театральную маску.

⁹ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 214-215.

¹⁰ Там же, с. 214-215.

¹¹ Там же, с. 487.

¹² Цит. по изд.: Вольтер: pro et contra. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 158-159.

заключалась в том, чтобы расчистить громадную кладовую, где хранятся умственные сокровища человечества, от массы красивых, но бесполезных вещей, и от целых шкафов, созданных трудами схоластиков и прославленных метафизиков, вроде Декарта и Лейбница. Будь у Вольтера побольше ума и поменьше тщеславия, он ни за что не смог бы выполнить эту разрушительную работу, утверждает Писарев.

Очевидно, он видел в Вольтере предтечу современного нигилизма, хотя сам этот термин в статье Писарева и не употреблен. Конечно, Вольтер пытался развить и некий позитивный взгляд на мир, но в том ни капли не преуспел. «Когда Вольтер осмеивает различные дурачества умных и глупых людей, тогда он великолепен и неотразим. Но когда он начинает кропать что-то похожее на собственную систему, когда он сам стремится соорудить и мудрствовать, тогда у читателя с невероятной быстротой увядают уши»¹³, – трудно не заметить в этой писаревской оценке типично вольтеровской смеси блестящего остроумия и сарказма.

Сверхзадачу, которой подчинено все творчество Вольтера и вся его жизнь, Писарев усматривает в той «смертельной борьбе, которую он вел против клерикализма». Здесь Вольтер не делал никому ни малейшей уступки, но превращал и своих высокопоставленных покровителей в невольные орудия этой борьбы. Ради этой великой цели Вольтер был готов бесконечно лицемерить, льстить и сгибаться в разные стороны, «как хорошо закаленная стальная пружина». Не обладай он теми человеческими пороками, «которые презирает и отвергает могучий творческий гений», ему не удалось бы привлечь на свою сторону громадную аудиторию посредственностей, «сердца respectable буржуазии».

Умеющий ценить дельных людей, практическую работу во всех ее проявлениях, Писарев отдает должное Вольтеру как успешному публицисту и адвокату. Под конец жизни Вольтер занимался судебными делами, которые сильно повлияли на общественное мнение в Европе. Доказав невиновность людей, обвиняемых в тяжких уголовных преступлениях, Вольтер показал обществу, что многие судебные дела того времени были сфальсифицированы. Общество было поражено несправедливостью судебных процессов. В глазах Писарева эти практические дела Вольтера стоят выше всех его «положительных» философско-теоретических построений.

Практическая ориентация в высшей степени характерна для мировоззрения Вольтера в целом. Особенно наглядно это видно в его рассуждениях о Боге. Русские вольтерианцы и историки философии вообще часто цитировали и пространно комментировали известный афоризм Вольтера из стихотворного послания автору одного атеистического трактата: «*Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer*» (Если бы Бога не было, Его следовало бы изобрести). Н.Н. Страхов подчеркивал «высокое практическое значение этой истины», хотя и омрачаемое безрассудной борьбой Вольтера против положительных религий. А.Г. Вульфius находил вопиющее противоречие в вольтеровском понятии философского Бога как гаранта нравственности, с одной стороны, и безличного Провидения, руководствующегося одними лишь законами природы, с другой. Н.К. Михайловский противопоставлял выраженную в вольтеровском афоризме «потребность разума» (в поддержании общественного порядка) той «потребности чувства», которая заставляла Ж.-Ж. Руссо утверждать бытие Божие.

¹³ Вольтер: pro et contra. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 198.

Но, пожалуй, самый глубокий и интересный анализ этого афоризма дал в своей статье «Два рождения европейского рационализма» С.С. Аверинцев, обнаруживший здесь «линии широких историко-культурных связей, расходящиеся по меньшей мере в три стороны»¹⁴. Религия как традиция рассматривается как препятствие для общественного прогресса, но религия как полезное «изобретение», служащее для поддержания нравственности и порядка в обществе, – великая помощница прогресса.

Далее Аверинцев проводит параллель между вольтеровской идеей Бога как «функции законодательствующего разума» и кантовским постулатом практического разума, утверждающим необходимость идеи Бога. «Если мы снимем этот налет внешней агрессивности, оспаривание религии у Вольтера обнаруживает знаменательное сродство с утверждением религии у Канта; Бог, который «нужен» и которого поэтому необходимо «изобрести», не так уж далек от Бога, который является постулатом практического разума. Разница, конечно, в том, что немецкий философ переносит в глубины индивидуальной совести вопрос, бывший для Вольтера делом общественной регуляции»¹⁵.

Аверинцев считает интеллектуальную революцию, у истоков которой стоял Вольтер, «вторым рождением европейского рационализма», проводя далеко идущую аналогию (сам Аверинцев даже говорит о «симметрии») с греческой интеллектуальной революцией V-IV вв. до н.э. – в частности, с теорией происхождения религии, которую мы находим у греческих софистов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что русские вольтерянцы глубоко исследовали парадоксы философско-исторических воззрений Вольтера при всех далеко не однозначных трактовках и оценках этих взглядов, и прежде всего вольтеровского деизма. И при всей критичности характеристик личности отца европейского Просвещения практически все признавали величие проделанной им работы по освобождению человеческих умов от власти старых предрассудков и догм.

Список литературы

1. Dukes P. Catherine the Great and the Russian Nobility. Cambridge University Press, 1967.
2. Scanlan J.P. Russian Materialism: 'the 1860s', in: Routledge Encyclopedia of Philosophy, in 10 vols. Ed. by Edward Craig. London: Routledge, 1998. Vol. 8. P. 414-418
3. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3-13.
4. Вольтер: pro et contra. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013.
5. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1-5. М.: Художественная литература, 1969.
6. Заборов П.Р. Вольтер в русской печати XVIII-XX веков // Вольтер в России. М.: Рудомино, 1995. С. 5-9.
7. Плеханов Г.В. Сочинения: в 24 т. 2-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1925. Т. X.
8. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 210-215.
9. Серовы Александр Николаевич и Валентин Александрович. Воспоминания В.С. Серовой. СПб., 1914.
10. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб.: Типография В. Демакова, 1899.

¹⁴ Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 7.

¹⁵ Там же, с. 8.

THOUGHT AND STYLE OF RUSSIAN VOLTAIRIANS

M.A. Maydanskiy

Belgorod National Research University
Belgorod State Institute of Arts and Culture
e-mail: 818377@bsu.edu.ru

The article examines the value of Voltaire's ideas for the formation of Russian social thought of the 18–19th centuries. The spiritual connection of Russian Voltairianism with the revolutionary democratic movement and Russian Marxism is traced. The primary focus of attention was on the profound paradoxes of the philosophical views, style and the very personality of Voltaire. In the controversy over Voltaire, the main ideological currents of Russian philosophy were crystallized.

Keywords: Voltaire, Russian Voltairians, free-thinking, revolutionary democracy, Russian Marxism.
